

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
Л12

Jhumpa Lahiri
INTERPRETER
OF MALADIES

Перевела с английского
Елизавета Рыбакова
Дизайнер обложки
Александр Андрейчук
Художник
Ирина Бабушкина

Издательство выражает благодарность
литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency*
за содействие в приобретении прав

Лахири Д.

Л12 Толкователь болезней : [рассказы] / Джумпа Лахири;
[пер. с англ. Е. Рыбаковой]. — СПб. : Аркадия, 2019. —
256 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-97-9

Девять трогательных, драматичных и романтических историй о жизни индийских иммигрантов в Америке будто сотканы из реальных событий и размышлений героев. Они покинули родину и теперь пытаются адаптироваться на новой земле, и всех их объединяет одно — стремление ощутить почву под ногами, почувствовать себя нужным в этом мире.

Книга получила признание во всем мире и в 1999 году была удостоена Пулитцеровской премии.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

© Jhumpa Lahiri, 1999
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-97-9

Моим родителям и сестре

*С благодарностью
Центру изящных искусств в Провинстауне,
Джанет Сильвер и Синди Клейн Роуш*

ВРЕМЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Жилищная служба уведомляла, что это явление временное: в течение пяти дней в восемь вечера электричество станут отключать на час. Недавняя выюга повредила линию, и теперь, когда погода улучшилась, предстоит починка. Работа затронет только дома на тихой, окаймленной деревьями улице, где уже три года жили Шоба и Шукумар, — в двух шагах от череды облицованных кирпичом магазинов и троллейбусной остановки.

— Спасибо, что предупредили, — заметила Шоба, прочитав объявление вслух, больше для себя, чем для Шукумара. Она сняла с плеча кожаный портфель, распухший от папок, оставила его в передней и проследовала в кухню. На ней были темно-синий поплиновый плащ, серые тренировочные брюки и белые полукеды. В свои тридцать три года она выглядела в точности как те женщины, к чьей внешности когда-то относилась с неодобрением.

Шоба пришла из спортзала. Помада клюквенного цвета сохранилась только на контурах губ, подводка для глаз на нижних веках размазалась. Раньше, подумал Шукумар, она имела такой вид только по утрам, когда после торжества или вечеринки в баре ленилась вымыть лицо, а жаждала поскорее упасть в его объятия. Все еще глядя в объявление, которое держала в руке, Шоба безразлично швырнула пачку писем на стол.

— Только почему нельзя делать это днем?

— Хочешь сказать, когда я дома? — ответил Шукумар. Он накрыл кастрюлю с бараниной стеклянной крышкой так, чтобы выходила только тонкая струйка пара. С января он работал дома, пытаясь закончить последние главы диссертации, посвященной аграрным бунтам в Индии. — Когда начнется ремонт?

— Написано: девятнадцатого марта. Сегодня девятнадцатое?

Шоба подошла к висевшей на стене возле холодильника пробковой доске, к которой был прикреплен только календарь с образцами обоев от Уильяма Морриса. Внимательно, словно впервые увидела, рассмотрела рисунок, потом опустила глаза к таблице цифр. Друг прислал им календарь по почте к Рождеству, хотя нынче Шоба и Шукумар этот праздник не отмечали.

— Значит, сегодня, — объявила Шоба. — Кстати, в следующую пятницу ты записан к стоматологу.

Шукумар провел языком по зубам; утром он забыл их почистить. И уже не в первый раз. Он весь день не выходил из дома, так же как и вчера. Чем дольше отсутствовала Шоба, чем чаще она задерживалась на работе и брала дополнительную нагрузку, тем больше ему хотелось зарыться дома и не высовывать носа наружу, даже чтобы забрать почту или купить фрукты либо вино в магазинах у троллейбусной остановки.

Полгода назад, в сентябре, когда Шукумар находился на научной конференции в Балтиморе, у Шобы за три недели до срока начались роды. Он не хотел ехать на конференцию, но она настояла: важно было завести полезные знакомства, чтобы в следующем году устроиться на работу. Она заверила мужа, что записала номера его рейсов, номер телефона в гостинице, знает

расписание конференции и договорилась с подругой Джиллиан, что в случае необходимости та отвезет ее в больницу. В то утро, провожая Шукумара, Шоба стояла у дома в халате и одной рукой махала ему на прощание, а другая рука лежала на громадном животе, словно это была самая естественная часть ее тела.

Каждый раз, прокручивая в памяти ту минуту — последние мгновения, когда он видел Шобу беременной, Шукумар в основном вспоминал такси — универсал красного цвета с надписью синими буквами, огромный по сравнению с их машиной. Шукумар, крупный мужчина ростом метр восемьдесят три, чьи большие кисти рук не умещались в карманах джинсов, на заднем сиденье этого автомобиля чувствовал себя карликом. Такси мчалось по Бикон-стрит, а он представлял день, когда им с Шобой тоже понадобится приобрести такую просторную машину, чтобы возить детей на занятия музыкой и на прием к стоматологу. Он воображал, как крутит руль, а Шоба поворачивается, чтобы передать детям сок. Прежде размышления об отцовстве тревожили Шукумара, усугубляя беспокойство из-за того, что в тридцать пять он все еще не закончил учебу. Но в то осеннее утро, когда деревья еще не утратили густую бронзовую шевелюру, он впервые с радостью нарисовал в сознании эту картину.

Сотрудник оргкомитета каким-то образом разыскал его в одинаковых залах заседаний и передал плотный квадратик бумаги для записей. Увидев номер телефона, Шукумар сразу понял, что звонили из больницы. Он немедленно вернулся в Бостон, но все было уже кончено. Ребенок родился мертвым. Шоба спала в отдельной палате, такой крошечной, что рядом с кроватью оставался лишь узенький проход. Когда при выборе

клиники будущим родителям показывали отделение, в это крыло их не водили. У Шобы истончилась плацента, ей сделали кесарево сечение, но слишком поздно. Врач объяснил, что такое случается. Он изобразил самую приветливую улыбку, которая возможна при общении с человеком только по долгу службы. Шоба встанет на ноги через пару недель. Нет причин опасаться, что в будущем она не сможет иметь детей.

Теперь Шукумар всегда просыпался, когда Шоба уже уходила. Он открывал глаза, видел длинные черные волосы, оставшиеся на ее подушке, и думал о ней: вот она в офисе в центре города, в строгом костюме, потягивая уже третью чашку кофе, находит опечатки в учебниках и исправляет их цветными карандашами по собственной системе. Она обещала вычитать и его диссертацию, когда та будет готова. Шукумар завидовал тому, что у жены есть конкретная работа, не то что его неопределенный род занятий. Он был посредственным аспирантом, умевшим собирать факты, но лишенным всякого любопытства. До сентября он прилежно и даже целеустремленно делал обобщения и набрасывал аргументы в блокноте с желтыми линованными страницами. Но теперь подолгу, пока не надоедало, валялся в постели, глядя на свою половину гардероба (Шоба всегда оставляла его дверь полуоткрытой), на ряд твидовых пиджаков и вельветовых брюк, которые в этом семестре ему так и не довелось надеть на занятия. Когда умер ребенок, было уже поздно отказываться от чтения лекций. Но его научный руководитель договорился, чтобы на период весеннего семестра Шукумара освободили от обязанностей преподавателя. Шукумар учился в аспирантуре шестой год. «За весну и лето вы основательно продвинетесь в своих

исследованиях, — сказал наставник. — А к сентябрю сможете закончить диссертацию».

Но никакого продвижения в работе не наблюдалось. Вместо этого, размышлял Шукумар, они с Шобой научились ловко избегать друг друга в доме с тремя спальнями и проводить как можно больше времени на разных этажах. Он больше не ждал с нетерпением выходных: по субботам и воскресеньям Шоба часами сидела на диване с цветными карандашами и распечатками, а он боялся включить музыку в собственном доме. Давным-давно она не смотрела, улыбаясь, ему в глаза, а в те редкие ночи, когда их тела все же тянулись друг к другу перед сном, уже не шептала его имя.

Поначалу он верил, что все это пройдет, что они с Шобой преодолению отчуждения. Ей было всего тридцать три. Здоровая, полная сил женщина, физически она уже полностью поправилась. Но это не утешало. Только к обеду Шукумар наконец выбирался из кровати, направлялся вниз и наливал из кофеварки немного кофе, который Шоба оставляла ему вместе с чистой кружкой на разделочном столе.

Шукумар собрал луковую шелуху и бросил в помойное ведро поверх полосок жира, срезанных с баранины. Он пустил в раковину воду, вымыл нож и разделочную доску, а затем протер половинкой лимона кончики пальцев, чтобы избавиться от запаха чеснока, — этой хитрости его научила Шоба. Половина восьмого. В окно он видел небо угольного цвета. Хотя уже потеплело и можно было ходить без шапки и перчаток, неровные сугробы еще обрамляли тротуары. Во время последней вьюги снегу намело высотой почти метр, и целую неделю жители района передвигались гуськом по узким

тропкам. Этим обстоятельством Шукумар оправдывал нежелание выходить из дома. Но теперь дорожки расширились, и вода постепенно стекала в дренажные решетки.

— К восьми мясо еще не будет готово, — произнес Шукумар. — И ужинать, наверно, придется в темноте.

— Можно зажечь свечи, — предложила Шоба. Она распустила волосы, днем аккуратно свернутые в узел на затылке, и, не развязывая шнурки, стянула с ног полукеды. — Пока есть свет, пойду в душ, — сообщила она, направляясь к лестнице. — Скоро спущусь.

Шукумар отодвинул ее обувь от дверцы холодильника. Раньше Шоба не была такой неряхой. Она всегда вешала пальто на плечики, обувь ставила в шкаф, а счета оплачивала сразу, как только получала. Но теперь она относилась к дому как к гостиничному номеру. Ее больше не волновало, что желтая ситцевая обивка кресла в гостиной не сочетается с сине-бордовым турецким ковром. В плетеном шезлонге на веранде со стороны двора до сих пор лежал нетронутым белый пакет с кружевной тканью, из которой она когда-то намеревалась сшить занавески.

Пока Шоба принимала душ, Шукумар прошел в ванную первого этажа и отыскал в ящике под раковиной новую зубную щетку. Дешевая жесткая щетина повредила десны, и он выплюнул в раковину кровь. В металлической корзинке было много запасных щеток. Шоба купила их однажды на распродаже на случай, если гости вдруг решат заночевать в их доме.

Это было типично для нее. Она предпочитала заранее готовиться к неожиданностям, и приятным, и досадным. Если в магазине ей нравилась юбка, то она

покупала сразу две. То же самое с сумочками. Премии она складывала на отдельный счет в банке на свое имя. Шукумар не возражал. Его мать совершенно упала духом, когда умер отец, бросила дом, где Шукумар вырос, и вернулась в Калькутту, оставив сына улаживать дела. Ему нравилось, что у Шобы другой характер. Способность жены продумывать все заранее восхищала его. Раньше, когда она ходила в магазины, в кладовке всегда имелось несколько бутылок с оливковым и кукурузным маслом на выбор, в зависимости от того, какие блюда они готовили — итальянские или индийские. На полках лежали бесчисленные разноцветные упаковки макарон различной формы, мешки с рисом басмати, а в морозильнике — полутуши ягненка или козленка из мусульманской мясной лавки на Хеймаркет, нарубленные и разложенные в полиэтиленовые пакеты. Два раза в месяц по субботам они обходили лабиринты палаток и прилавков по маршруту, который Шукумар в конце концов выучил наизусть. Волочась позади жены под палящим утренним солнцем с холщовыми сумками в руках, он, не веря своим глазам, смотрел, как она покупает продукты, еще и еще, протискивается сквозь толпу, пререкается с мальчишкой, который пока не бреется, но уже потерял несколько зубов, как юный продавец складывает в коричневые бумажные пакеты артишоки, сливы, корень имбиря, ямс, бросает пакеты на весы и один за другим передает Шобе. Даже во время беременности ее не смущало, что все вокруг толкаются. Она была высокой, широкоплечей, с крутыми бедрами, которые, по заверениям ее акушерки, прямо-таки созданы для деторождения. По пути домой, когда машина катила вдоль изгибов